

ISSN 1029-144X

АЛЬМАНАХ
КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

ВЫПУСК
1(23)-2013

КАЗАНЬ,
КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

*Печатается по благословию
Высокопреосвященнейшего Анастасия,
Митрополита Казанского
и Татарстанского*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета –
Ректор Казанской духовной семинарии,
Митрополит Казанский и Татарстанский
АНАСТАСИЙ

Главный редактор – иеромонах Филарет (Кузьмин)

к.б. иер. Сергей Шкуро
д.филос.н. проф. Курашов В.И.
д.и.н. проф. Ермолаев И.П.
д.ф.н. проф. Николаев Г.А.
д.ф.н. проф. Николаева Н.Г.
д.ф.н. проф. Чевела О.В.
д.пед.н. проф. Терехов П.П.
д.пед.н. проф. Андреева Ю.В.
к.ф.н. доц. Гадамский А.К.

* * * *

Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии. Вып. 1(23)-
2013: Казань: Казан. Духов. Семинария, 2013. – 201 с.

ISSN 1029-144X

Альманах “Православный собеседник”, издаваемый по благословию Митрополита Казанского и Татарстанского Анастасия, является изданием, в котором печатаются богословские, философские, исторические, филологические и прочие затрагивающие вопросы религиозной жизни работы.

Предназначен для широкого круга читателей. Альманах будет интересен всем, кто желает глубже познакомиться с вопросами православного богословия и истории развития Православия в Казанской епархии.

ISSN 1029-144X

© Казанская Духовная Семинария, 2013

Г.Б. Гутнер

Статья посвящена анализу идеологии и возможного идеологического искажения теологии. Рассмотрено два типа мышления. Один из них охарактеризован как гипотетический или критический, второй, как догматический или идеологический. Показано как этот последний продуцирует идеологию. При этом идеология рассмотрена также, как феномен языка, описаны важные лингвистические и коммуникативные свойства идеологии.

Ключевые слова: идеология, богословие, гипотеза, критика, идеальное конструирование.

G.B. Gutner

Ideology and Theology

The paper is devoted to the analysis of ideology and possible ideological distortion of theology. Two types of thinking is considered. One can be characterized as hypothetical or critical. The other is dogmatic or ideological one. It is demonstrated as the latter produces an ideology. Ideology is also considered as language phenomenon. The important linguistic and communicative features of ideology are described.

Key words: Ideology, Theology, Hypotheses, Critics, Ideal Constructing.

В этой работе мы попробуем выявить некоторые характеристики феномена, называемого «идеологией» и разобраться в том, присущи ли эти характеристики также и богословскому или, шире, религиозному мышлению вообще. Термин «идеология» будет здесь пониматься в достаточно узком смысле. Речь пойдет о социально значимом явлении, так или иначе связанном с проявлением власти, с принуждением думать определенным образом и контролем за характером мышления.

Существует, как известно, два, ставших уже классическими описания идеологии. Один из них принадлежит К. Марксу и связывает это понятие с концептом ложного сознания. Второй разработан Р. Бартом и исходит из специфики знаковых структур. Поскольку наша работа достаточно краткая и не подразумевает исследований в сфере истории понятий, то мы не будем подробно рассматривать эти концепты, а ограничимся лишь самой краткой характеристикой. Весьма подробный анализ названных концепций можно найти в работах [1], [2].

Оба названных автора так или иначе тяготеют к экстерналистскому подходу, т. е. пытаются объяснить определенные формы мысли внешними для самой мысли

факторами. Для Маркса в качестве этих внешних факторов выступают социальные и даже экономические интересы и ограничения. Для Барта, во-первых, структуры языка, а, во-вторых, также социальные структуры, рассматриваемые (согласно структуралистскому канону), как отношения знаков. У обоих авторов, так или иначе, просматривается тема власти. Идеология есть навязываемая форма мышления, служащая интересу каких-либо социальных групп.

Не вступая в спор с названными авторами, я хотел бы посмотреть на идеологию с другой стороны. Мой подход будет преимущественно интерналистским. Он состоит в том, чтобы рассмотреть ее как особую форму мысли, причем такую, которая тесно связана с формами познания, в частности, с формами научного познания. Вопрос о власти, равно как и вопрос о языке, так или иначе возникнет, но мы подойдем к нему с другой стороны, чем названные авторы.

Следуя обозначенному подходу, мы должны, прежде всего, выявить возможные познавательные стратегии. Можно указать две таких стратегии, история противостояния которых оказывается чрезвычайно длительной. Во всяком случае одна из них вполне внятно сформулирована уже Платоном. Другая получила явное определение значительно позже: ее внятнее описание можно найти, например, у Декарта. Попробуем обозначить существо противостояния.

Весьма точную характеристику первой стратегии можно увидеть в диалоге «Парменид». Так, заглавный персонаж диалога, обращаясь к юному Сократу предлагает ему следующий метод исследования: «что только ни предположишь ты существующим или несуществующим, или испытывающим какое-либо иное состояние, всякий раз должно рассматривать следствия как по отношению к этому предположению, так и по отношению к прочим, взятым поодиночке, и точно так же, когда они в большем числе или в совокупности» [3, 136 b-c]. Иными словами, предлагается выдвигать различные гипотезы относительно исследуемых предметов, а затем делать из этих гипотез все возможные выводы. Именно состоятельность выводов позволяет судить о достоверности гипотез. Например, если из гипотезы, кажущейся вполне правдоподобной, следуют абсурдные заключения, то от нее следует отказаться. Именно так строится рассуждение в самом диалоге «Парменид». Однако этот же метод использован и в других диалогах Платона. П.П. Гайденок, называя этот метод «гипотетико-дедуктивным», полагает даже, что оно вообще является одним из самых распространенных приемов античной науки [4].

Эта стратегия, суть которой сформулирована здесь столь кратко, может быть опознана в самых разных ситуациях, характерных и для естествознания, и для гуманитарной науки, и для профессионального и повседневного поведения. В естествознании она связана прежде всего с экспериментальной проверкой теорий и гипотез. Всякое исследование начинается с гипотезы, касающейся сущности изучаемого феномена. Без такой гипотезы феномен не может стать предметом исследования, он вообще не может быть замечен. Чтобы начать изучение нужно предположить о предмете изучения хоть что-нибудь. Такая гипотеза, конечно, крайне неточна, расплывчата. Однако на основании этой гипотезы можно делать некоторые прогнозы о свойствах исследуемого феномена, о том, что можно наблюдать в определенных условиях. Дальнейшие наблюдения (или эксперименты) покажут правильность или ошибочность этих прогнозов. Результат наблюдений представляет собой новое знание о феномене, выражающемся в более точной и более определенной гипотезе

о его сущности. Эта гипотеза позволяет сделать дальнейшие прогнозы, которые будут проверены в дальнейших наблюдениях и т.д. При этом важно сознавать, что мы не достигнем полного знания о феномене. Наше знание всегда будет оставаться гипотезой. По мере исследования мы будем получать все более правдоподобные гипотезы, но никогда не получим окончательной истины. Даже при построении развернутой теории, получившей множество экспериментальных подтверждений, необходимо учитывать возможность ее постоянной коррекции или даже опровержения. Если вернуться к платоновскому описанию, то можно увидеть довольно точное соответствие. В естественнонаучном исследовании предлагается выдвигать гипотезы и делать из них выводы. Только характер выводов в данном случае весьма ограничен: они сводятся главным образом к прогнозам относительно возможных наблюдений.

Для естествознания такая исследовательская стратегия является общепризнанной. Однако, немаловажно, что она вовсе не ограничивается его рамками. В принципе нетрудно найти аналоги описанного подхода и в истории, и в филологии, и в лингвистике. Чтобы показать ее распространенность я приведу еще один пример, который, насколько мне известно, не ассоциируется обычно с гипотетико-дедуктивным методом. Речь пойдет о герменевтическом круге в интерпретации текста.

Напомню, для начала исходную формулировку проблемы. Текст должен быть понят как целое, поскольку именно весь текст создан автором для выражения определенного смысла. Только понимание целого позволяет понять и отдельные части. Но текст мы читаем линейно, часть за частью. Поэтому понимание целого может складываться из понимания частей. Возникает круг понимания: чтобы понять целое, необходимо прежде понимать часть, но чтобы понять каждую часть, необходимо понимание целого.

Решение проблемы основано на том, что процедура интерпретации начинается не на пустом месте, а предполагает некое пред-понимание. Прежде чтения текста мы уже как-то представляем его как целое. Прежде чтения текста мы всегда уже знаем что-то о нем. Если бы мы не имели такого знания, мы не смогли бы даже решить, стоит ли нам читать этот текст.

Таким образом, понимание, как процесс, представляет собой последовательность циклов. Пред-понимание, будучи пониманием текста, как целого, позволяет понять первую часть текста. Понимание первой части позволяет, в свою очередь уточнить понимание целого. На основании этого, уточненного понимания, мы приступаем к интерпретации следующей части текста и т. д.

Здесь мы вновь имеем дело с выдвижением и проверкой гипотез. Пред-понимание, о котором идет здесь речь, гипотетично по определению. Оно всякий раз подлежит проверке в ходе дальнейшего чтения текста. Здесь также есть совпадение с платоновским описанием, хотя и не столь явное, как в предыдущем примере. Мы редко подвергаем свое пред-понимание осознанному анализу. Вместо выводов здесь часто фигурируют некие ожидания по поводу дальнейшего содержания текста.

Рассмотренная стратегия имеет две важные характеристики. Во-первых, придерживаясь ее, мы всегда должны учитывать, что любому нашему суждению может быть предложена альтернатива. Коль скоро эти наши суждения представляют собой гипотезы, то есть возможные предпосылки, из которых получены определенные заключения. Но те же самые заключения могут быть, в

принципе, получены из иных предпосылок. Именно это и определяет необходимое существование альтернативы. Названное обстоятельство очень важно из-за принципиальной опровержимости знания. Отвергнув одну гипотезу, мы всегда имеем возможность заменить ее на другую. Вторая характеристика рассматриваемой стратегии состоит в том, что она (стратегия) неизбежно имплицитно устанавливает критическую установку мысли. Сам ход исследования по существу представляет собой перманентную критику выдвигаемых гипотез. Они постоянно испытываются в ходе проверки прогнозов, ожиданий или иных сделанных из них выводов. Выдвинув некоторое суждение, мы подвергаем его критике уже тем, что ищем его возможные проверяемые следствия. Их можно искать осознанно, например, планируя эксперимент для проверки научного положения. Но можно, как мы видели, осуществлять и некую латентную критику, подспудно связывая со своими предположениями некие ожидания, которые могут оправдаться или не оправдаться.

Опишем теперь другую познавательную стратегию, связанную, как мы уже упоминали с именем Декарта. Эта стратегия, если говорить о естествознании, основана на некоем эпистемологическом максимализме. Она направлена на достижение абсолютно достоверного знания и ориентирована на математическую строгость всех познавательных актов. Такая строгость, в свою очередь, опирается на принцип достаточного основания, которой, хотя и был сформулирован Лейбницем, однако, легко вычитывается и у более ранних авторов, в частности у Декарта. Принцип этот состоит в том, что всякое суждение может быть вынесено только на достаточном основании, т. е. дедуцировано, тем или иным способом из уже установленных истин. Для реализации такой стратегии требуется ответить на два вопроса. Первый вопрос заключается в том, как именно следует дедуцировать новые суждения. Второй вопрос — из каких первоначальных истин должны они быть в конечном счете дедуцированы? Ответом на первый вопрос является процедура идеального конструирования. Уже введенные в оборот истины устанавливают связь понятий, логические отношения между идеальными объектами. Используя эти связи в качестве схем конструирования можно создавать новые понятия, устанавливать связи между ними. Что касается второго вопроса, то он касается оснований теории. В качестве таковых выступают «фундаментальные теоретические схемы» [5], устанавливающие логические связи между исходными понятиями. Классическим примером такого развертывания научного знания является геометрия Евклида. В качестве фундаментальных схем в ней выступают аксиомы и постулаты. Дальнейшее идеальное конструирование, создающее новые геометрические понятия и их связи, состоит в доказательстве теорем.

Идеальное конструирование, как способ познания вписывается и в рамки первой из названных нами стратегий. Можно строить теорию и на гипотетических основаниях, признав фундаментальные теоретические схемы лишь предположениями, подлежащими проверке. Именно так и обстоит дело в реальной науке. Однако такой подход не соответствует в точности принципу достаточного основания. Для буквального следования ему недопустимо принятия оснований гипотетических. Выход остается один: исходные положения должны обосновывать сами себя. Это значит, что в качестве начал науки можно принимать лишь самоочевидные истины. Они не должны вызывать ни малейшего сомнения ни у одного мыслящего существа. Соответственно и идеальное конструирование, основанное на таких началах может приводить лишь к абсолютно достоверному знанию.

Никаких альтернатив такое знание не допускает.

Мы не будем повторять различные критические замечания, высказанные в адрес этой второй стратегии. (Одно из таких замечаний, известное как «трилемма Мюнхаузена» было развито Х. Альбертом [6, с.36-81]). Укажем лишь на явно утопический характер предлагаемого проекта науки. Тем не менее, в самых разных областях мысли — часто гуманитарной — его не раз пытались осуществить. Суть такого проекта выражается в принятии исходных положений теории за безусловные истины, не имеющие никакой альтернативы. Дальнейшие наши усилия будут состоять в том, чтобы выяснить, какого рода теории при этом получают. Замечу сразу, что именно такие теории мы и будем называть идеологиями. Думаю, что дальнейший анализ покажет оправданность такого названия. Впрочем, чтобы этот анализ не был слишком абстрактным, я буду опираться на пример, взятый на этот раз из гуманитарной сферы: на известную теорию капитализма, развитую Максом Вебером. Этот пример интересен во многих отношениях. Во-первых, он представляет собой прекрасный пример идеального конструирования в гуманитарной науке. Во-вторых, с его помощью можно наглядно показать связь научной теории с идеологией, с одной стороны, и их принципиальное различие, с другой. В-третьих, наконец, с помощью этого примера мы сможем распространить наши рассуждения и на богословие.

Наш рассказ о веберовской концепции, развитой в работе «Протестантская этика и дух капитализма» будет весьма краток в связи с тем, что концепция эта общеизвестна [7].

Вебер для начала приводит факт, установленный с помощью статистики, что в экономике современной ему Европы наиболее активной и продуктивно действующей группой являются люди, принадлежащие к протестантским исповеданиям. Все последующее исследование можно рассматривать как объяснение этого факта, хотя, как мы попробуем показать, значение его оказывается гораздо шире. Далее Вебер работает не со статистикой, а с текстами протестантских авторов 16-18 веков. Из этих текстов он последовательно извлекает ряд понятий: «дух капитализма», «призвание», «предопределение к спасению», «избранничество», «мирская аскеза», «трудовая этика». Нам нет необходимости раскрывать содержание этих понятий. Достаточно лишь заметить, что каждое из них достаточно точно определено и может быть идентифицировано как в текстах, так и в поведении. Работа Вебера, однако, заключается не только в их определении, но, преимущественно в том, что он устанавливает логическую связь этих понятий и показывает, как разработанная в реформатской теологии доктрина предопределения рождает особую установку сознания, определяемая как «дух капитализма». Можно сказать, что имеет место дедукция последнего из первого. Результат, однако, не сводится к названной дедукции. Взаимная связь понятий позволяет описать особый тип человека, который, будучи инспирирован мыслью о своем избранничестве (предопределении к спасению) развивает специфическую экономическую активность, рационально организованную и максимально эффективную. Важно, что связь введенных понятий существует не только в работе исследователя. Подразумевается, что она существует в сознании описываемого человека. Понятно, что это не конкретный человек, а «идеальный тип», т.е. идеальная конструкция. Исключительно важно, что для создания этой конструкции требуется одно существенное допущение: предполагается, что человек, о котором идет речь, ясно сознает свои цели и рационально подбирает средства для их достижения.

Если речь идет об экономически активном протестанте, то его цель определена доктриной предопределения и избрания к спасению. Ему нужно – и это жизненно важный вопрос – удостовериться в своей избранности, т.е. в своем грядущем спасении. Единственная возможность для такого удостоверения, обнаружить в себе способность вести благочестивую жизнь, достойную избранного, т.е. жизнь, наполненную строгой мирской аскезой, воздержанием, рационально организованным трудом. Отсюда и все добродетели, необходимые для организации капиталистического производства или для упорного и производительного труда.

Для нас здесь важно, что логическая связь понятий достигается Вебером, благодаря использованию общей схемы: схемы целерационального действия. Ее мы, собственно, только что описали. Именно она и позволила произвести упомянутую нами дедукцию понятия «дух капитализма». Таким образом, в методологии Вебера просматриваются черты генетически-конструктивного метода, который мы описали в самом начале. Понятие о рационально действующем индивиде играет роль фундаментальной теоретической схемы. Эта схема применяется к специфическим для протестантизма 16-18 веков историческим условиям. В результате возникает логическая конструкция, идеальный тип человека, поглощенного мыслью о спасении и занятого развитием капиталистического производства.

Сейчас мы можем сказать, что веберовская идеальная конструкция имеет более глубокий смысл, чем объяснение нескольких эмпирических фактов. Она, подобно естественнонаучным идеальным конструкциям представляет собой упрощение того неопределенного многообразия, которое исследователь социальной реальности наблюдает как в прошлом, так и в настоящем. Упрощение при этом производится не ради одного лишь достижения простоты, но ради понимания. Реальность, представленная через систему идеальных представлений и сконструированная сообразно теоретической схеме, становится понятной. При этом нужно иметь в виду, что и сама теоретическая схема, и идеализации, которые она связывает, являются гипотезами. Они возникают в результате рассмотрения ряда частных случаев, однако наделяются общим смыслом. Возможны иные способы понять те исходные факты, которые послужили отправной точкой для идеализаций.

А теперь посмотрим на веберовскую схему под другим углом зрения. Попробуем представить, как существует она в сознании того индивида, которого пытается описать Вебер. Он, также опирается, хотя неявно, на идею целерационального действия. Он озабочен вопросом своего спасения, и в его сознании реализована та же идеальная конструкция, связывающая понятия «предопределения», «избранничества», «мирской аскезы», «трудовой этики». В чем же разница между ним и Вебером? В том, помимо прочего, что в отличие от Вебера, он принимает все эти схемы не гипотетически. Для него они не научные предположения, допускающие альтернативу и подлежащие проверке, а жизненные истины, выражающие суть его веры. В этих логических конструкциях не может быть никаких колебаний. Они обладают тем самым достоинством самоочевидности, которое Декарт рассчитывал найти в научных постулатах. Разницу можно выразить и иначе. Если для Вебера его идеальные конструкции имели статус научной теории, то для нашего воображаемого протестанта они являются идеологией. Впрочем, я думаю мы можем доверять Веберу в том, что было достаточно реальных протестантов, мысливших именно так.

Попробуем теперь установить основные черты идеологии. Прежде всего, следует отметить ее практическую направленность. Так, мирская аскеза, выведенная благодаря теологической дедукции из идеи предопределения, является уже практическим принципом, систематически

определяющим поступки. Кроме того, идеальные конструкции, лежащие в основе идеологии, не подлежат никакой проверке. Если возникают аргументы против этих конструкций, они априори предполагаются ошибочными. Для такого отношения к оппонирующим теориям всегда есть основание. Будучи избавлена от фальсификации, она приобретает неограниченные возможности для самообоснования. С помощью идеологии можно объяснить любое явление в той предметной области, на которую она распространяется. Какое наблюдение мы бы ни сделали, его всегда можно проинтерпретировать как ее подтверждение.

Обладая такой объяснительной силой, идеология успешно решает ту задачу, ради которой создаются идеальные конструкции, задачу упрощения наблюдаемого многообразия и понимания наблюдаемых событий. Эту же задачу решает и научная идеализация, однако идеология справляется с ней гораздо эффективней. Наука, работающая с гипотезами, всегда оставляет ту или иную степень неопределенности. Гипотетическая идеальная конструкция, как мы видели, неточна, поскольку пытается прояснить целое, на основании частных наблюдений. Она оставляет возможность исправления или опровержения после того, как появятся новые наблюдения. Идеология же не допускает альтернатив. Ее носитель точно знает, что новое наблюдение лишь подтвердит исходную идеальную конструкцию. Это значит, что идеология не просто проясняет, а раскрывает самую суть наблюдаемых явлений. Любые объяснения, основанные на альтернативных идеальных построениях, оказываются в лучшем случае поверхностными или частичными. Идеология позволяет увидеть все в «истинном свете», понять, что оно есть «на самом деле». Например, веберовское описание капитализма, основывающееся на схеме целерационального действия и религиозных убеждениях определенных групп, будет расценено марксистским идеологом, как поверхностное, не содержащее подлинного понимания. Такое понимание должно быть достигнуто в рамках иной идеальной конструкции, в которой человеческие действия выводятся из их экономических интересов, а они, в свою очередь, из состояния производительных сил. Оба этих объяснения, однако, будут найдены неточными и поверхностными, с точки зрения протестантского идеолога. Он будет искать ясности, пытаясь описать действия Бога в истории, в результате которых некоторые люди предопределены к спасению.

Опишем, наконец, специфическую работу с языком, производимую идеологией. Эта работа имеет два аспекта. Во-первых, идеология порождает свой собственный словарь, необходимый для выражения ее идеальных построений. Постигание сущности, на которое претендует идеология, требует описание всех явлений (принадлежащих к предметной области идеологии) в терминах этого словаря. Распространение идеологического словаря может заметно повлиять на языковые практики сообщества. Одна из характерных идеологических практик – разоблачение, или называние всего «своими именами». Эта языковая практика полностью вытекает из претензии на раскрытие сущности, о которой мы говорили только что. Явление понято, когда описано в соответствующих терминах. Описание его в других терминах характеризуется, как попытка скрыть его истинную сущность. Так, рассмотрение моральных или правовых систем с позиций общечеловеческих ценностей будет расценено марксистским идеологом, как камуфляж. Он будет приписывать как этим системам и ценностям классовый характер и настаивать, что они должны быть описаны в терминах классового интереса, производственных отношений, форм собственности и т.п. Клерикальный идеолог найдет для этих институтов совершенно иные описания. Важно то, что действуя подобным образом, идеология вторгается в жизненный мир человека, трансформируя его язык, вовлекая

сообщество в определенный круг языковых игр.

Работа с языком, однако, этим не ограничивается. У нее есть другой аспект, который можно охарактеризовать как переопределение слов естественного языка. Идеология не только вводит в употребление новые термины, но и задает новые смыслы уже существующим языковым выражениям. Это случается, когда такое языковое выражение используется как идеологический термин. Ему приписывается новое значение, сконструированное в рамках идеологической схемы. Все прочие значения, возникшие либо в ходе естественного употребления, либо в иных идеальных конструкциях, объявляются неточными или просто ложными. Такая работа с языком оказывается довольно тонкой, поскольку языковые выражения приобретают в результате двойное значение. Будучи нагружены идеологическим содержанием, они не теряют своего традиционного смысла. Естественный язык имеет собственную силу и в привычные смыслы, продолжают работать в языковых практиках. Два рода смыслов сосуществуют при употреблении обычных слов, ангажированных идеологией. Из этого сосуществования идеология извлекает неожиданную выгоду. Она пронесит свое содержание как бы контрабандой, под прикрытием привычных смыслов. Интересно, что камуфлирую это содержания, идеология как будто не прибегает к обману. Это своего рода честный камуфляж. Идеолог всегда готов объяснить, что именно он имеет в виду, употребляя то или иное выражение, т.е. предъявить соответствующую идеальную конструкцию. Однако такие разъяснения невозможно требовать постоянно. Привычные слова, сохраняя привычное воздействие на людей, помогают идеологии воздействовать на жизненные практики, причем не только языковые. Эффективность воздействия чаще всего обусловлена тем, что переопределению подвергаются слова, традиционно ценностно нагруженные, такие, как «свобода», «справедливость», «мир», «любовь», «счастье». Узкий идеологический смысл, конструируемый с помощью соответствующих схем, может оказаться чуть ли не противоположным прежнему. Однако обаяние, которое переопределяемое слово сохраняет, благодаря привычному употреблению, заставляет принять и идеологическое содержание. Например, свобода в рамках идеологической конструкции может означать подчинение жестким предписаниям власти, исполнение воли вождей. Идеолог всегда может доказать, что лишь жизнь в таком абсолютном повиновении и означает настоящую свободу. Нежелание повиноваться будет означать рабство: например, рабство греху для клерикальной идеологии или рабство капиталу для идеологии марксистской. Многие люди готовы откликнуться на призыв покончить с рабством и стать свободными, не выясняя в деталях насколько идеологическое представление о свободе и рабстве совпадает с их собственным.

Необходимо иметь в виду, что для богословской доктрины весьма велик риск превратиться в идеологию. Заметим, прежде всего, что в теологии достаточно хорошо освоен метод идеального конструирования. Выше мы продемонстрировали это на примере кальвинистской доктрины избрания. Но не менее продуманные и стройные понятийные построения созданы в средневековой латинской схоластике. Да и в святоотеческой традиции существует достаточно строгая работа с понятиями. С другой стороны, богословская доктрина, по видимости, опирается безусловные истины веры. Как выразился Х. Альберт, любая теологическая теория имеет иммунизированное от критики догматическое ядро. Таким образом, она оказывается весьма схожа с идеологией. В церковной практике мы и в самом деле нередко сталкиваемся с идеологическим применением богословия. Пользуясь понятиями, почерпнутыми из Библии и церковной традиции не так уж трудно создать теорию, которая объясняла бы все и была бы

практически неопровержима. Здесь богословие оказывается даже в предпочтительном положении по сравнению со светскими науками. Фактически с помощью теологических концептов можно объяснить все, что угодно: действие Всемогущего Бога представляет собой предельное объяснение для любого события в мире. Так что можно найти теологическое объяснение Большого Взрыва, биологической эволюции, принципа неопределенности и т.д. Учение о первородном грехе дает объяснение всем негативным аспектам человеческой жизни: войнам, нищете, насилию, экономической эксплуатации, супружеской неверности, болезням и пр. С другой стороны, все позитивные аспекты – великие достижения культуры, моральную добродетель и пр. – можно с успехом объяснить действием Божественной благодати.

Нормативная функция также очевидна. Многим выражениям естественного языка вполне можно придать специфическое теологическое значение. Весьма часто подвергаются такому перетолкованию такие слова как свобода, любовь, мир. Представим себе христианскую общину, разработавшую для своих членов строгий свод правил и жестко контролирующую их поведение. Этот контроль вполне можно назвать любовью, приведя весьма убедительное обоснование и объяснив при этом истинный смысл слова «любовь». Тогда всякое нарушение предписаний и всякая попытка ослабить контроль будет интерпретироваться как «измена любви», «грех против любви» и т. п.

Как избежать вырождения богословия в идеологию? Для этого нужно, прежде всего, помнить, что исходным пунктом богословского рассуждения является не концептуальная схема, а Священное Писание и живой опыт веры. Отсылка к ним вполне может служить основанием для опровержения богословских логических построений. Практика средневековых теологических диспутов дает множество таких примеров. Едва ли мы можем сводить богословские рассуждения к гипотетико-дедуктивной схеме. Однако никакое словесное утверждение, основанное на логической связи понятий, не может претендовать на безусловное выражение истины. В святоотеческой традиции этот подход нашел выражение в сочетании катафатического и апофатического богословия. Я думаю, что освоение этого опыта в контексте современных представлений об идеологии и идеальном конструировании является важной задачей как для богословия, так и для философии.

Литература

1. Баллаев А.Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса //История философии, №3, РАН. Институт философии 1998.
2. Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст. (По поводу книги Р. Барта S/Z). // Р. Барт S/Z. М.: “Ad Marginem”. 1993.
3. Платон. Парменид //Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М.: «Мысль». 1993.
4. Гайденко П.П. “Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ). - М.: Наука, 1980 .
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М, 2000.
6. Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Вебер М., Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.

УДК 215

К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ РОМАНА М.БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Н.Я. Зарецкая

В романе содержатся идеи и проблемы, выражающие философскую сущность романа. Стержнем романа является идея справедливости.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, справедливость, духовность, мистика, сатира.

By understanding the nature of Mikhail Bulgakov's novel "Master and Margarita"

N.Y. Zaretskaya

The novel contains ideas and issues, those express the philosophical essence of the novel. The core of the novel is the idea of justice.

Key words: Mikhail Bulgakov, justice, spirituality, mysticism, satire.

Роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» – цельное, многоплановое философское произведение. В нем представлена оригинальная философская концепция мироздания. В романе содержится множество смысловых пластов:

1. Роман автобиографический;
2. Роман философский;
3. Роман сатирический;
4. Роман исторический;
5. Роман мистический;
6. Роман политический;
7. Роман фантастический;
8. Роман психологический;
9. Роман антиатеистический.

Философские проблемы романа неотделимы от автобиографии Михаила Булгакова. Заслуживает внимания мысль Ф.Ницше о том, что взгляды истинного философа являются как бы продолжением его биографии. Поэтому необходимо рассмотреть основные вехи биографии Михаила Афанасьевича. О них мы узнаем из документов, писем и его дневника «Под пятой».

Михаил Афанасьевич Булгаков родился 3 мая 1891 года в городе Киеве. Умер 10 марта 1940 года в Киеве.

Отец, Афанасий Иванович, профессор Киевской духовной академии, историк религии. Мать, Варвара Михайловна, учительница. В семье Булгаковых 7 детей (3